**Вот идет Мессия: юмористическое
обыгрывание темы прихода Машиаха
в миниатюрах «Агады Хилека и Билека»
(вторая половина XV в., Южная Германия)**

Дильшат Догановна Харман

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-0653-7303

Центр визуальных исследований Средневековья и Нового времени
Российского государственного гуманитарного университета
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6
Тел.: +7 (495)123-45-67, Fax: +7(495)234-56-78
E-mail: rsuh@rsuh.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2021.2

Аннотация: Предметом этой статьи является иллюстрированный лист из «Агады Хилека и Билека» (Париж, Национальная библиотека Франции. Ms. Hébreu 1333, вторая половина XV в.) – fol. 24v. На нем изображены персонажи, наблюдающие за приходом Машиаха, и мужчина с кувшином, выливающий жидкость на Машиаха и на встречающего его. Рассмотрев эти миниатюры в контексте сложившейся к тому времени в Ашкеназе иконографии прихода Машиаха на седер, я прихожу к выводу, что они являются свидетельством того, как юмор мог использоваться в ритуале ожидания Машиаха во время празднования Песаха в XV в. Текстуальные источники XVI–XVII вв. описывают этот ритуал как исключительно серьезный, однако юмористический характер изображений позволяет предположить, что в контексте празднования Песаха существовал целый ряд возможностей для его восприятия и переживания. Шуточные элементы миниатюры актуализируют приход Машиаха для зрителей, вовлекая их в изображение, и являются примером специфически еврейского подхода к использованию юмора в педагогических целях.

Ключевые слова: агада, еврейская иконография, Машиах, седер, средневековые иллюстрированные манускрипты, Хилек и Билек

Ожидание Машиаха и традиции еврейского юмора

Один из анекдотов про Машиаха, сложившийся, вероятно, еще в дореволюционную эпоху, повествует: свершилось – приходит Машиах и собирает всех евреев, чтобы вести в Землю Обетованную. Все собираются, не хватает только Рабиновича, который сидит у себя в лавке и заканчивает дела. За ним приходят раз, другой, наконец сам Машиах не выдерживает, идет к Рабиновичу в лавку и говорит: «Рабинович, сколько вас можно ждать?!» Рабинович поднимает на него глаза и отвечает: «Ой, ну кто бы говорил!»

Здесь смешались горечь и веселье: простой еврей, заставляя себя ждать, пародирует поведение Машиаха и таким образом косвенно упрекает его за промедление. Важнейшее с религиозной и национальной точки зрения событие представлено в бытовом контексте, становится предметом остроты.

Шутки на сакральные темы в еврейской культуре вовсе не являются прерогативой Нового и Новейшего времени и встречаются уже в средневековую эпоху. Предметом моего исследования является лист с подобными шуточными миниатюрами (Fol. 24v) из так называемой Агады Хилека и Билека¹ (Париж, Национальная библиотека Франции. Ms. Hébreu 1333, вторая половина XV в.). Этот манускрипт был создан в Южной Германии, и текст пасхальной агады сопровождается в нем маргинальными иллюстрациями и украшенными начальными словами. На листе (ил. 1), под благословением на вино и первым словом отрывка «Излей свой гнев...» («Шефох»), производимого перед тем, как пьют четвертый бокал вина, располагаются Машиах, встречающие его и наблюдающие за его приходом. Их реплики написаны рядом на свитках.

Эти изображения представляют собой уникальную комическую трактовку сюжета «Приход Машиаха на седер», иконография которого сложилась именно в позднесредневековых агадот. Тексты, описывающие ритуал ожидания прихода Машиаха на празднование Песаха, появляются позднее изображений на эту тему, и, таким образом, миниатюры являются важным историческим источником знания о том, как проходил седер в Ашкеназе в XV в.

¹ Оцифрованная версия: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b60005435/> (дата обращения: 31.10.2021).

Ил. 1

«Агада Хилека и Билека». Лист с миниатюрами,
 посвященными приходу Машиаха на сефер. Германия. Вторая половина XV в.

Иконографию прихода Машиаха на седер впервые описал Джозеф Гутман [Gutmann 1974], который разобрал миниатюры из 14 немецких и итальянских агадот второй половины XV в., сопоставив их с текстами XVI–XVII вв. Гутман пришел к выводу, что миниатюры свидетельствуют о появлении обычая открывать дверь Машиаху в конце седера в Южной Германии и Северной Италии уже в XV в., и предположил, что обычай там и зародился.

Сцена прихода Машиаха на седер из «Агады Хилека и Билека» впервые была кратко описана Моисеем Швабом в конце XIX в. [Schwab 1892], а затем была включена в общее описание манускрипта Бецалелем Наркиссом [Narkiss, Sed-Rajna 1981, 74–78] и Мишеллем Гарелем [Garel 1991]. Единственным исследованием, в котором подробно анализируется значение миниатюры, является статья Жюстин Иссерлес [Isserles 2009]: в ней изображения, связанные с приходом Машиаха, трактуются как свидетельство смятения евреев перед лицом возобновившихся преследований и страстной надежды на приход избавителя. Их юмористический характер игнорируется как ею, так и другими исследователями (хотя уже Шваб назвал их настоящими «жанровыми картинами» [Schwab 1892, 178]).

Я полагаю, напротив, что этот аспект миниатюр крайне важен, поскольку он дает представление о том, как именно проходил седер в XV в. Предыдущие исследователи отбрасывали забавные компоненты композиции как нечто несущественное. Если мы примем во внимание, что каждая агада является семейной рукописью, служащей своего рода сценарием праздника, и изображения в ней играют не только декоративную, но и функциональную роль, то значение шуточных частей миниатюры прихода Машиаха на седер в общей иконографической программе «Агады Хилека и Билека» станет яснее. Анализ визуальных шуток в этой рукописи может помочь нам в исследовании малоизученного пока еще феномена средневекового еврейского юмора, в определении его сходств и различий с общеевропейским юмором позднего Средневековья.

В XIX в. неоднократно высказывались сомнения в том, что евреи вообще умеют шутить [Ben-Amos 1973, 113]. Позже под влиянием Зигмунда Фрейда [Фрейд 1998] появилось широко распространенное мнение о том, что евреи – авторы одних из самых лучших шуток, и можно говорить не только об особом «еврейском» юморе, но и

о том, что еврейский народ в целом характеризуется шутливым отношением к жизни, и можно даже назвать его «народом шутки» [Oring 1983]. Сегодня одни исследователи предполагают, что никакой особой связи между евреями и склонностью шутить не существует, а попытки найти юмор в средневековом еврейском обществе, собственно, являются попытками приложить к прошлому концепции сегодняшнего дня [Ibid., 265], а другие – что еврейский юмор может быть понят только на фоне еврейской истории и «судьбы» [Кнох 1969, 151].

Миниатюры из «Агады Хилека и Билека», безусловно, являются одним из доказательств того, что юмор у средневековых евреев был. В этой статье, дав подробное описание листа с миниатюрами, я рассматриваю их в контексте других трактовок того же сюжета в XV в., чтобы выявить заимствования и понять, как художник создает юмористический эффект. В заключительной части текста я отвечаю на вопрос, в чем смысл шуточных элементов изображения ритуала ожидания прихода Машиаха на седер в манускрипте и являются ли они проявлением специфического еврейского юмора или общеевропейской смеховой культуры.

Описание агады и листа с миниатюрами

«Агада Хилека и Билека» из Национальной библиотеки Франции представляет собой одну из многочисленных иллюстрированных пасхальных агадот, ставших популярными в XIV–XV вв. как среди сефардов, так и среди ашкеназов [Epstein 2011; Kogman-Appel 2006; Metzger 1973]. Как и все отдельно изданные агадот, манускрипт не очень объемный: 40 листов. Размеры агады соответствуют ее предполагаемому приватному использованию в кругу семьи и составляют $23,5 \times 17,4$ см. Рукопись не датирована, но кодикологический, палеографический и стилистический анализ позволяет предположить, что она была создана во второй половине XV в. Сохранилось имя писца – Авраам, сын учителя Моше Ландау (в колофоне), и оно служит основанием для предположения, что рукопись была создана в Южной Германии [Isserles 2009, 145]. Любопытно, что даже в подписи писца проявляется общий юмористический характер рукописи: он не просто сообщил свое имя и происхождение, но добавил, что писал стихи в полусонном состоянии.

Ил. 2

«Агада Хилека и Билека». Лист с миниатюрами,
посвященными приходу Машиаха на седе́р. Деталь.

Первое слово молитвы «Излей свой гнев...». Германия. Вторая половина XV в.

Всего в «Агаде Хилека и Билека» 67 маргинальных иллюстраций, сопровождаемых рифмованными стихами (как правило, они начинаются словами «образ / изображение говорит»). Среди них есть и изображения подготовки к Песаху, и иллюстрации к библейским событиям, о которых вспоминается на празднике.

На интересующем нас листе – fol. 24v – начинается текст молитвы «Излей свой гнев...», и первое ее слово («Шефох») занимает почти все пространство. Чуть выше – написанное красными чернилами благословение на вино, рядом с которым изображен человек, действительно пьющий из кубка и показывающий на надпись над ним: «Изображение говорит: я пью мое вино, так как оно прекрасно на вид. Я широко раскрываю свой рот и наполняю его»². Этот фрагмент листа помогает нам понять, как связаны текст и изображения в «Агаде Хилека и Билека»: слова серьезного благословения сопровождаются шуточной иллюстрацией.

Внутри рамки со словом-инициалом «Шефох» мы видим акробатов, шутов, сцену охоты (ил. 2). Гротескные фигурки в самых разнообразных позах помещены как внутри букв, так и под ними. Жюстин Иссерлес обращает внимание на то, что в богато украшенном гротеск-

² Здесь и далее перевод приводится по транскрипции и переводу Бецалея Наркисса [Narkiss, Sed-Rajna 1981].

ными фигурками слове «Шефох» есть такие, которые можно связать с преследованиями и враждебным отношением к евреям, флагелланта и темнокожего. Первый, по мнению французской исследовательницы, является олицетворением активно кающихся, избивающих себя в надежде умиловить Господа, наставшего чуму. А с евреями он связан тем, что в чуме, как следствии отравления колодцев, часто обвиняли евреев. Второй, как считает Иссерлес, может быть сарацином, и, так как он смотрит с некоторым страхом, здесь возможно заложена идея ненависти христиан как к мусульманам, так и к евреям. Кроме того, к преследованиям евреев могут отсылать сцены охоты и вооруженной борьбы в слове «Шефох», а орнамент в виде дубовых листьев и желудей может намекать на идолопоклонничество христиан (так как дуб упоминается в этом контексте в книге пророка Осии: «На вершинах гор они приносят жертвы и на холмах совершают каждение под дубом и тополем и теревинфом, потому что хороша от них тень» – 4:13). Жюстин Иссерлес символически истолковывает их как порочный мир, в который приходит Машиах [Ibid., 153–154], но мне представляется, что, учитывая распространенность подобных забавных сценок как в христианских, так и в еврейских рукописях XIV–XV вв., эта трактовка слишком натянута и не соответствует общему легкому и юмористическому характеру изображений в конкретной рукописи.

Основная смысловая нагрузка падает на два изображения внизу (ил. 3). В правом углу человек, стоя на рамке миниатюры, льет что-то из кувшина на персонажей внутри нее. Миниатюра сильно пострадала, и от фигур остались только очертания, но мы можем различить человека в высокой остроконечной желтой шапке, сидящего на осле, и стоящего перед ним второго человека. Надпись над льющим воду гласит: «Изображение говорит: так как вы говорите шефох (мне), я услышал из ваших уст, и я наполнил свой кувшин». Вторая надпись располагается рядом с нижней частью рисунка: «Тот, кто отворяет дверь, говорит: сколько можно шутить? Ты (почти?) облил царя Мессию!».

В левом углу мы видим трех человек в разноцветных одеждах и высоких шапках. Они сидят за столом, на который положены две книги, и смотрят кто вверх (на слово «Шефох»), кто в сторону (на происходящее в миниатюре с поливанием). Они активно жестикулируют,

Ил. 3

«Агада Хилека и Билека». Лист с миниатюрами,
 посвященными приходу Машиаха на сецер. Деталь.
 Машиах и участники сецера. Германия. Вторая половина XV в.

над ними написаны их реплики. Крайний слева поднимает обе руки в жесте изумления. Его реплика: «Образ говорит: я хочу видеть и отклониться (чтобы видеть) прибытие царя Мессии на его осле». Средний показывает одной рукой наверх, а другой в сторону того, что происходит в соседней миниатюре. Его действия сопровождаются надписью «Образ говорит: быстрее закройте дверь, а то Мессия рассердится и уйдет». Наконец, тот, что сидит справа, гротескно повернут в сторону соседней миниатюры и показывает одной рукой на какое-то место в книге, лежащей на столе, а другую поднимает вверх, словно говоря что-то. Его реплика: «Изображение говорит: я не думал видеть твоего лица! Об этом человеке я молился».

Наркисс и Иссерлес отмечают, что можно найти связь слов крайнего справа персонажа с цитатами из Библии, одновременно отсылая нас к строфе из книги Бытия (48:11): «И сказал Израиль Иосифу: не надеялся я видеть твое лицо, но вот Бог показал мне и детей твоих», а также к словам Анны о Самуиле (1 Цар 1:27): «о сем дитяти молилась я» [Ibid., 154]. Реплика же мужчины, поливающего других персонажей из кувшина, обыгрывает значение слова «шефох», написанного выше, то есть «пролей» или «излей».

По мнению Жюстин Иссерлес, все вместе миниатюры на странице означают преследования евреев (в слове «Шефох») и надежду на приход Машиаха как избавление от этих преследований [Ibid., 153–154].

На мой взгляд, это очень общее объяснение, основанное к тому же на большом количестве допущений, касающихся значения фигурок, украшающих буквы слова «Шефох». Основной его недостаток в том, что оно вообще не учитывает игровой юмористический характер тех сценок и подписей, что изображены внизу. Для того чтобы лучше разобраться в смысле изображенного, нам следует произвести иконографический анализ миниатюр, сравнив их с другими образами того же периода и с чуть более поздними текстами.

Машиах на седере: ритуал ожидания и его изображения

Как показал Симха Гросс, практика открывать двери во время седера зародилась уже среди евреев в Вавилоне, в талмудический период, но изначально была связана совсем не с ожиданием Машиаха, а с щедростью хозяев дома по отношению к бедным и нуждающимся (дверь открывали в начале седера, при словах «Каждый, кто голоден, пусть придет и ест. Каждый, кто нуждается, пусть придет и участвует в пасхальной трапезе») и с символическим приглашением демонов [Gross 2020]. Позднее ритуал сохранился, но в измененном виде, утратив свой первоначальный смысл. По свидетельству рабби Элеазара из Вормса (1160–1237), сославшегося, в свою очередь, на рава Ниссима (990–1062), двери просто держали открытыми весь седер в ожидании Элиягу, чтобы можно было поприветствовать его без задержки [Gross 2020, 193–195].

В какой-то момент открывать двери стали в конце трапезы. В текстах связь открытия дверей в ожидании Машиаха с окончанием седера впервые засвидетельствована в 1492 г., когда доминиканец Эрхард фон Паппенхайм в своем вступлении к «Агаде Тегернзее» (1470–1480-е гг.) так объяснил изображение Машиаха верхом на лошади в сопровождении Элиягу, трубящего в шофар: «Образ всадника изображает видение, через которое некоторые обозначают, что в эту ночь (Песаха. – Д.Х.) Мессия (которого они продолжают ожидать) прибыл, подобно Ангелу Песаха. И когда трапеза, которую мы упомянули,

заканчивается и дверь столовой отворена, некоторые приветствуют Христа³, как будто бы он только что прибыл» [Shalev-Eyni 2016, 185].

О связи между ожиданием Машиаха и чтением молитвы «Излей свой гнев...» (достаточно позднего происхождения; первый известный нам записанный ее текст содержится в «Махзоре Витри», созданном во Франции в XII в. [Yuval 2006, 124]), содержащей в себе призыв к Господу покарать врагов Его и Израиля, свидетельствуют два текста XVI в.: «Вся еврейская вера» выкреста Антониуса Маргариты (род. ок. 1500 г.) [Ibid., 124–125] и «Ора Хайим» рава Моисея Иссерлеса (ум. в 1572 г.) [Gross 2020, 195]. Сформулированные различно и в различных целях, они подтверждают, что в XVI в. ашкеназские евреи ожидали Машиаха, чтобы он излил свой гнев на тех, кто выступает против Господа. Маргарита к этому добавил, что они проклинают все другие народы, в особенности христиан, а кроме того, после молитвы кто-то переодевается в Элиягу и входит в открытую дверь.

Для Маргариты эта инсценировка – одна из многих небиблейских, «выдуманных» (*erdichte*) церемоний евреев. То, как они проводят седер, доказывает, что они уже давно утратили веру в Бога и не уважают ни Машиаха, ни его вестника [Walton 2012, 35]. Совсем другую трактовку того же обычая мы встречаем у рава Юспа Хана (ок. 1570–1637), который в своей книге «Сефер Йосеф Омец» описал его так: после чтения молитвы «Шефох» кто-нибудь встает в дверях, чтобы продемонстрировать нашу веру в грядущее искупление (то есть в приход Машиаха) [Gutmann 1974, 29].

Изображения прихода Машиаха на седер рядом с молитвой «Излей свой гнев...» появились в ашкеназских манускриптах раньше первых текстовых свидетельств. Самым ранним примером является миниатюра из «Гамбургского сборника» (до 1427 г.)⁴ [Gutmann 1974, 31–32]. Важно отметить, что они всегда изображают не просто ожидание Машиаха, но его приход. Ни один из текстов XV–XVII вв.,

³ Так фон Паппенхайм называет Машиаха.

⁴ Гамбург, Государственная и Университетская библиотека. Cod. Hebr. 37. Fol. 35v (цифровое факсимиле: [https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990001674310205171-1;](https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990001674310205171-1;data обращения: 31.10.2021) дата обращения: 31.10.2021).

описывающий ритуал ожидания, не упоминает о том, что кто-то переодевается в Машиаха⁵, только об ожидании и переодевании в Элиягу. Но при этом на всех миниатюрах XV в. нарисован именно Машиах. Иногда он одновременно является и Элиягу, то есть и едет на осле, и трубит в шофар, возвещая о собственном прибытии⁶.

Мы не знаем, какое отношение этот иконографический элемент имеет к реальной инсценировке ожидания Машиаха на седере. Трудно представить, что, подобно христианам, устраивавшим в Вербное воскресенье процессию, возглавляемую деревянной фигурой Христа верхом на осле на колесиках, евреи также сажали человека, играющего роль Машиаха, на игрушечного осли (хотя возникновение иконографии Машиаха, едущего на осле, и может частично объясняться знакомством евреев с подобными христианскими процессиями) [Gutmann 1974, 37–38]. Скорее, в отличие от текстовых описаний ритуала, изображения визуализируют не ожидание как таковое, но ту пасхальную ночь, в которую рано или поздно придет Искупец. А вера в то, что именно в пасхальную ночь придет Машиах, была распространена уже в позднеантичные времена [Gross 2020, 193–194].

Машах изображен и в «Агаде Хилека и Билека». К сожалению, повреждения на рисунке не дают нам возможности разглядеть, есть ли шофар в руке у едущего на осле или у встречающего его. Зато хорошо сохранилась желто-золотая остроконечная шапка у него на голове – так называемый юденхут. Головной убор похожей формы можно увидеть и в других рукописях⁷ – видимо, для художников и заказчиков было важно подчеркнуть, что это именно еврейский Искупец, а не христианский Мессия – Иисус Христос.

Сидящие за столом с книгами или за праздничным столом евреи, указывающие на Машиаха, – важный элемент многих миниатюр на сюжет «Приход Машиаха на сдер» [Gutmann 1974, 34–35]. Обычно рядом с ними нет надписей, но трех персонажей за столом в «Агаде Хилека и Билека» со свитками, содержащими надписи, можно сравнить и с тремя фигурами, наблюдающими за приходом Машиаха

⁵ Хотя при желании текст фон Папенхайма можно понять и таким образом.

⁶ Агада, XV в., Германия, Париж, Национальная библиотека Франции. Ms. Hébr 640. Fol. 107v.

⁷ Флорсгеймская агада, XV в., Германия, Частное собрание. Fol. 21r; Агада Тегернзее, 1470–1480-е гг., Баварская государственная библиотека. Cod. hebr. 200. Fol. 24v (Германия, Мюнхен).

в Гамбургском сборнике [Buda 2012, 150–163]. Над ними, также как и над тремя в «Агаде Хилека и Билека», висят свитки, надписи которых содержат цитаты из пророческих книг, возвещающих о приходе Машиаха⁸. Вероятно, этот прием заимствован из христианского искусства, где пророки со свитками с текстами их пророчеств часто изображаются рядом с важнейшими евангельскими событиями.

Таким образом, эти два элемента (Машиах на осле и встречающий его; группа из трех человек, сидящих за столом с книгами и показывающих на Машиаха) в «Агаде Хилека и Билека» встречаются и в других ашкеназских рукописях. Ключевым элементом, создающим юмористический эффект, на листе 24v является фигура человека с кувшином, льющего нечто из кувшина на Машиаха и стоящего рядом с ним.

Этот персонаж и надписи сверху и снизу, сопровождающие его действия, обыгрывают первые слова молитвы «Излей гнев свой...». Кроме того, художник мог опираться на существующую визуальную традицию изображения чаши гнева. В некоторых других рукописях того периода рядом со словом «Шефох» мы видим две руки в небесах, переворачивающие чашу с чем-то дымящимся на стоящих внизу людей – врагов Господа, о которых говорится в тексте⁹. Мотив появился еще в XIV в. в сефардских рукописях, а затем, вероятно, был заимствован и ашкеназскими мастерами [Gutmann 1974, 35–36; Cohen 1998, 148–149]. Относительно жидкости в чаше существуют различные мнения, но, согласно Менахему Меири (1249–1315), там находится дымящееся вино, которое Господь выливает на грешников, чтобы они выпили его без остатка [Cohen 1998, 147–148].

Еще до прочтения шуточных надписей рядом с ним человек с кувшином должен был привлечь внимание средневековых зрителей, так как он не похож ни на что, виденное ими ранее в манускриптах. Его роль можно сравнить со всеми «необычными» вещами, которые делаются на Песах для того, чтобы побудить детей задавать вопросы. Я полагаю, что задачей художника было возбудить удивление необычным человечком, заставить зрителя прочесть надписи (или, если речь идет о детях, которые, безусловно, принимались в расчет как зрите-

⁸ Справа – из Захарии (9:9), слева – из Михея (5:2) и Исаии (43:1), в центре, возможно, из Софонии (3:14) или из Песни Песней (2:1).

⁹ Дармштадтская агада, XV в. Гессенская земельная и университетская библиотека. Cod. Or. 28. Fol. 12v (Германия, Дармштадт) и Флоргеймская агада (fol. 20v).

ли, попросить прочесть их) и, посмеявшись над ними, объяснить настоящее значение слова «Шефох» в контексте седера.

Человечек с кувшином льет воду (или вино), поскольку он, понимая значение слова «Шефох», тем не менее не понимает, зачем ему это говорят, и воспринимает его как прямое руководство к действию. Он похож на третьего сына, упоминающегося в агаде, несмышленного, который задает вопрос «что это?». Автор миниатюр в «Агаде Хилека и Билека» не просто конструирует ситуацию, когда реально происходящее во время чтения агады (седер) совмещается с желаемым (приход Машиаха), как это делается в других средневековых рукописях. Он включает туда простака, который чуть не облил Машиаха (реплика одного из сидящих за столом о необходимости закрыть дверь, чтобы Машиах не рассердился и не ушел, относится именно к последствиям этой ситуации), и с помощью этой смешной ситуации оживляет всю сцену. Делает он это, чтобы привлечь к ней внимание зрителей и спровоцировать объяснения старших членов семьи того, как связаны молитва «Излей свой гнев...» и ожидаемый приход Искупителя.

Таким образом, шуточные элементы в изображении прихода Машиаха на седер в «Агаде Хилека и Билека» играют педагогическую роль и связаны с использованием рукописи во время праздника. Они становятся своего рода посредниками в понимании того, что происходит: первое слово молитвы визуализируется буквально, и создается ситуация, требующая взаимодействия старших и младших членов семьи. При этом важно учитывать, что в отличие от современного празднования Песаха, когда агада может быть у многих участвующих, в эпоху позднего Средневековья, скорее всего, она была только у главы семьи [Cohen 2016, 310], и, соответственно, иллюстрации в ней рассматривались женщинами и детьми под его присмотром и с его объяснениями.

Педагогическая шутка как специфический элемент еврейского юмора

В последние годы в отношении еврейских рукописей наметилась дискуссия о практическом характере агадот [Cohen 2016], их аудитории [Kogman-Appel 2017] и о том, как в еврейском искусстве XV в.

зритель вовлекался во взаимодействие с изображением [Kogman-Appel 2014]. Эпштайн называл агаду книгой о прошлом и будущем искуплении, живой книгой, в которой мы можем видеть, как средневековые евреи видели себя [Erstein 2011, 264]. «Агада Хилека и Билека» – не Тора, не богословский трактат, но манускрипт, имеющий практические и развлекательные функции, семейная ценность, которую заказчик планировал передавать из поколения в поколение. Содержащиеся в ней миниатюры, как и в других агадот, должны были помогать смотрящим на них вновь и вновь переживать исход из Египта как то, что происходит сегодня, с ними, а не как события многовековой давности.

И заказчик, и художник явно сочли включение шуток в рукопись естественным явлением. Это значит, что она воспринималась, как нормальная часть празднования Песаха, а не как нечто, несоответствующее ему. Авторы и заказчики «Агады Хилека и Билека» помещают приход Машиаха не только в контекст преследований и страданий еврейского народа, но и в контекст семейного праздника, где через шутку учат важным вещам. Является ли такой подход специфичным именно для еврейской культуры?

Размышляя о том, что может быть общего в юморе евреев, принадлежащих к самым разным традициям, многие ученые приходят к выводу, что это принципы толкования, принятые в Талмуде и Мидраше [Brodsky 2011; Friedman, Friedman 2014, 24–28]. Мидраш предлагает разные интерпретации одного и того же события или утверждения, играет с языком и находит новые способы прочтения слов и предложений [Brodsky 2011, 13]. Этот принцип реинтерпретации лежит в основе многих еврейских шуток, и именно он применен в миниатюрах, изображающих приход Машиаха на седер в «Агаде Хилека и Билека» и подписях к ним.

Юмористическая реинтерпретация ритуальных текстов была широко распространена и в христианской позднесредневековой культуре [Д'Анджело 2003; Bayless 1996; Harris 2011], а пародийные изображения священных обрядов (например, месс или ритуальных процессий) неоднократно встречаются в произведениях искусства XIV–XV вв., созданных христианами [Даркевич 1992; Koldeweij 2005], как правило, смысл таких шуток был в карнавальном переворачивании принятого порядка с ног на голову. Миниатюры же из «Агады Хилека и

Билека» не просто используют принцип реинтерпретации текста, но делают это в учебных целях. Именно эта функциональность и позволяет говорить о еврейском характере шуточных миниатюр в этой ашкеназской рукописи и дает возможность действительно нащупать длящуюся связь между евреями и особым видом юмора, присущим им.

Литература и источники

- Д'Анджело 2003 – *Д'Анджело Б.* Narratio et delectatio: Пародия в средневековой романской литературе (1250–1350). М.: ОГИ, 2003. 173 с.
- Даркевич 1992 – *Даркевич В.П.* Народная культура Средневековья. Пародия в литературе и искусстве IX–XVI в. М.: Наука, 1992. 285 с.
- Фрейд 1998 – *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Алетейя, 1998. 308 с.
- Bayless 1996 – *Bayless M.* Parody in the middle ages: the Latin tradition. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. 425 p.
- Ben-Amos 1973 – *Ben-Amos D.* The “myth” of Jewish humor // *Western Folklore*. 1973. Vol. 32 (2). P. 112–131.
- Brodsky 2011 – *Brodsky D.* Why did the widow have a goat in her bed? Jewish Humor and its roots in the Talmud and Midrash // *Jews and humor. Studies in Jewish Civilization*. Vol. 22 / Ed. by L.J. Greenspoon. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2011. P. 13–32.
- Buda 2012 – *Buda Z.* Sacrifice and Redemption in the Hamburg Miscellany. The Illustrations of a Fifteenth-century Ashkenazi Manuscript. Ph.D. Dissertation in Medieval Studies. Budapest: Central European University, 2012. 281 p.
- Cohen 1998 – *Cohen E.M.* Three Sephardic Haggadot and a Possible Missing Link // *Jewish Studies in a New Europe. Proceedings of the Fifth Congress of Jewish Studies in Copenhagen 1994 under the auspices of the European Association for Jewish Studies* / Ed. by U. Haxen, H. Trautner-Kromann, K.L. Goldschmidt-Salamon. Copenhagen: C.A. Reitzel A/S International Publishers, Det Kongelige Bibliotek, 1998. P. 142–151.
- Cohen 2016 – *Cohen A.S.* The Multisensory Haggadah // *Les cinq sens au Moyen Âge* / Ed. by É. Palazzo. Paris: Éditions du Cerf, 2016. P. 305–331.
- Epstein 2011 – *Epstein M.M.* The Medieval Haggadah. Art, Narrative and Religious Imagination. New Haven and London: Yale University Press, 2011. 324 p.
- Friedman, Friedman 2014 – *Friedman H.H., Friedman L.W.* God Laughed: Sources of Jewish Humor. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2014. 355 p.
- Garel 1991 – *Garel M.* D'une main forte. Manuscrits hébreux des collections françaises. Paris: Seuil, 1991. 207 p.
- Gross 2020 – *Gross S.* Whoever Is Hungry, Come and Eat': On the Origins and Winding Reception of a Puzzling Passover Passage // *Aramaic Studies*. 2020. Vol. 18 (2). P. 171–197.

- Gutmann 1974 – *Gutmann J.* The Messiah at Seder: a Fifteenth-Century Motif in Jewish Art // *Sefer Rafael Mahler kovets meḥkarim be-toldot Yisrael, mugash lo bi-melot lo shiv'im ve-ḥamesh shanah* [Исследования по еврейской истории: преподнесенные профессору Рафаэлю Малеру на его 75-летний юбилей] / Ed. by R. Mahler, S. Yeivin. Merḥavyah: Sifriyat Poalim, 1974. P. 29–38.
- Harris 2011 – *Harris M.* Sacred Folly. A New History of the Feast of Fools. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2011. 322 p.
- Isserles 2009 – *Isserles J.* De la Sortie d'Égypte à la Rédemption finale: analyse de cinq folios tirés du manuscrit Hébreu 1333 de la Bibliothèque nationale de France à Paris // *Cahiers Archéologiques*. 2009. No. 52. P. 145–160.
- Knox 1969 – *Knox I.* The Traditional Roots of Jewish Humor // *Holy Laughter: Essays on Religion in the Comic Perspective* / Ed. by M. Conrad Hyers. New York: Seabury, 1969. P. 150–65.
- Kogman-Appel 2006 – *Kogman-Appel K.* Illuminated Haggadot from Medieval Spain. Biblical Imagery and the Passover Holiday. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2006. 295 p.
- Kogman-Appel 2014 – *Kogman-Appel K.* The Audiences of the Late Medieval Haggadah // *Patronage, Production, and Transmission of Texts in Medieval and Early Modern Jewish Cultures* / Ed. by E. Alfonso, J.P. Decter. Turnhout, Brepols, 2014. P. 99–143.
- Kogman-Appel 2017 – *Kogman-Appel K.* Pictorial Messages in Mediaeval Illuminated Hebrew Books: Some Methodological Considerations // *Jewish Manuscript Cultures. New Perspectives* / Ed. by I. Wandrey. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. P. 443–468.
- Koldeweij 2005 – *Koldeweij J.* “Shameless and Naked Images”: Obscene Badges as Parodies of Popular Devotion // *Art and Architecture of Late Medieval Pilgrimage in Northern Europe and the British Isles* / Ed. S. Blick, R. Tekippe. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 493–510.
- Metzger 1973 – *Metzger M.* La Haggada enluminée. Étude iconographique et stylistique des manuscrits enluminés et décorés de la Haggada du XIIIe au XVIe siècle. Leiden: E.J. Brill, 1973. 518 p.
- Narkiss, Sed-Rajna 1981 – *Narkiss B., Sed-Rajna G.* Index of Jewish Art: Iconographical Index of Hebrew Illuminated Manuscripts, II/1. Jerusalem; Munich: The Israel Academy of Sciences, Sauer, 1981. 94 p.
- Oring 1983 – *Oring E.* The people of the joke: on the conceptualization of a Jewish humor // *Western Folklore*. 1983. Vol. 42 (4). P. 261–271.
- Shalev-Eyni 2016 – *Shalev-Eyni S.* Entanglement and Disentanglement. Visual Expressions of Late Medieval Ashkenazi Existence // *Transkulturelle Verflechtungsprozesse in der Vormoderne* / Ed. by W. Drews and C. Scholl. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. P. 174–196.
- Schwab 1892 – *Schwab M.* Un manuscrit hébreu de la Bibliothèque nationale à Paris // *Journal Asiatique*. 1892. P. 172–185.

- Walton 2012 – *Walton M.T.* Antonius Margaritha and the Jewish Faith: Jewish Life and Conversion in sixteenth-century Germany. Detroit: Wayne State University, 2012. 242 p.
- Yuval 2006 – *Yuval I.* Two Nations in Your Womb: Perceptions of Jews and Christians in Late Antiquity and the Middle Ages. Berkeley: University of California, 2006. 313 p.

**Here Comes Moshiach:
Humor in the Miniatures Depicting Messiah
at the Seder in the “Hileq and Bileq Haggadah”
(Second Half of Fifteenth-century, South Germany)**

Dilshat Harman

Russian State University for Humanities
Moscow, Russia

PhD in Art History, Senior Fellow

ORCID: 0000-0003-0653-7303

Center for Visual Research of the Middle Ages and Modern Times

Russian State University for Humanities

125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6

Tel.: +7(495)123-45-67

E-mail: rsuh@rsuh.ru

Summary: The subject of this article is an illustrated sheet from the Hileq and Bileq Haggadah (Paris, National Library of France, Ms Hébreu 1333, 2nd half of the 15th century) – fol. 24v. It depicts characters watching the arrival of the Mashiach and a man with a jug pouring liquid on the Maschiach and the person meeting him. Having examined these miniatures in the context of the iconography of the coming of the Mashiach to the Seder, prevailing by that time in Ashkenaz, I come to the conclusion that they bear evidence of how humor could be used in the ritual of waiting for the Mashiach during the 15th century Passover celebration. Textual sources of the 16th–17th centuries describe it as extremely serious, but the humorous nature of the images suggests that in the context of the Passover celebration, there were a number of possibilities for its perception and experience. The comic elements of the miniature actualize the arrival of the Mashiach for the audience, involving them in the image and are an example of a specifically Jewish approach to the use of humor for pedagogical purposes.

Keywords: *haggadah, jewish iconography, Mashiach, seder, medieval illuminated manuscripts, Hileq and Bileq*

References

- D'Angelo, B., 2003, *Narratio et delectatio: Parodiia v srednevekovi romanskoj literature (1250–1350)* [Narratio et delectatio: a parody in medieval Romanesque literature (1250–1350)]. Moscow, OGI, 173.
- Darkevich, V.P., 1992, *Narodnaia kul'tura Srednevekov'ia. Parodiia v literature i iskusstve 9–16 vekov* [The folk book of the Middle Ages: a parody in literature and art of the 9th–16th centuries]. Moscow, Nauka, 285.
- Freud, S., 1998, *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Jokes and their relation to the unconscious]. St.Petersburg, Aleteia, 308.
- Bayless, M., 1996, *Parody in the middle ages: the Latin tradition*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 425.
- Ben-Amos, D., 1973, The “myth” of Jewish humor. *Western Folklore*, 32 (2), 112–131.
- Brotsky, D., 2011, Why did the widow have a goat in her bed? Jewish Humor and its roots in the Talmud and Midrash. *Jews and humor: Studies in Jewish Civilization*, vol. 22, ed. L.J. Greenspoon, 13–32. West Lafayette, Indiana, Purdue University Press, 236.
- Buda, Z., 2012, *Sacrifice and Redemption in the Hamburg Miscellany. The Illustrations of a Fifteenth-century Ashkenazi Manuscript*. Ph.D. Dissertation in Medieval Studies. Budapest, Central European University, 281.
- Cohen, E.M., 1998, Three Sephardic Haggadot and a Possible Missing Link. *Jewish Studies in a New Europe. Proceedings of the Fifth Congress of Jewish Studies in Copenhagen 1994 under the auspices of the European Association for Jewish Studies*, eds. U. Haxen, H. Trautner-Kromann, K.L. Goldschmidt-Salamon, 142–151. Copenhagen, C.A. Reitzel A/S International Publishers, Det Kongelige Bibliotek, 922.
- Cohen, A.S., 2016, The Multisensory Haggadah. *Les cinq sens au Moyen Âge*, ed. É. Palazzo, 305–331. Paris, Éditions du Cerf, 762.
- Epstein, M.M., 2011, *The Medieval Haggadah. Art, Narrative and Religious Imagination*. New Haven and London, Yale University Press, 324.
- Garel, M., 1991, *D'une main forte. Manuscrits hébreux des collections françaises*. Paris, Seuil, 207.
- Gross, S., 2020, “Whoever Is Hungry, Come and Eat”: On the Origins and Winding Reception of a Puzzling Passover Passage. *Aramaic Studies*, 18 (2), 171–197.
- Gutmann, J., 1974, The Messiah at Seder: a Fifteenth-Century Motif in Jewish Art. *Sefer Rafael Mahler kovets mehkarim be-toldot Yisrael, mugash lo bi-melot lo shiv'im ye-hamesh shanah* [Studies in Jewish history: presented to professor Raphael Mahler on his seventy-fifth birthday], eds. R. Mahler, S. Yeivin, 29–38. Merhavyah, Sifriyat Poalim, 162.
- Harris, M., 2011, *Sacred Folly. A New History of the Feast of Fools*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 322.
- Isserles, J., 2009, De la Sortie d'Égypte à la Rédemption finale: analyse de cinq folios tirés du manuscrit Hébreu 1333 de la Bibliothèque nationale de France à Paris. *Cahiers Archéologiques*, 52, 145–160.

- Knox, I., 1969, The Traditional Roots of Jewish Humor. *Holy Laughter: Essays on Religion in the Comic Perspective*, ed. M. Conrad Hyers, 150–165. New York, Seabury, 264.
- Kogman-Appel, K., 2006, *Illuminated Haggadot from Medieval Spain. Biblical Imagery and the Passover Holiday*. University Park, Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press, 295.
- Kogman-Appel, K., 2014, The Audiences of the Late Medieval Haggadah. *Patronage, Production, and Transmission of Texts in Medieval and Early Modern Jewish Cultures*, eds. E. Alfonso, J.P. Decter, 99–143. Turnhout, Brepols, 383.
- Kogman-Appel, K., 2017, Pictorial Messages in Mediaeval Illuminated Hebrew Books: Some Methodological Considerations. *Jewish Manuscript Cultures. New Perspectives*, ed. I. Wandrey, 443–468. Berlin, Boston, De Gruyter, 484.
- Koldeweij, J., 2005, “Shameless and Naked Images”: Obscene Badges as Parodies of Popular Devotion. *Art and Architecture of Late Medieval Pilgrimage in Northern Europe and the British Isles*, eds. S. Blick, R. Tekippe, 493–510. Leiden, Boston, Brill, 876.
- Metzger, M., 1973, *La Haggada enluminée. Étude iconographique et stylistique des manuscrits enluminés et décorés de la Haggada du XIIIe au XVIe siècle*. Leiden, E.J. Brill, 518.
- Narkiss, B., and G. Sed-Rajna, 1981, *Index of Jewish Art: Iconographical Index of Hebrew Illuminated Manuscripts*, II/1. Jerusalem, Munich, The Israel Academy of Sciences, Sauer, 94.
- Oring, E., 1983, The people of the joke: on the conceptualization of a Jewish humor. *Western Folklore*, 42 (4), 261–271.
- Schwab, M., 1892, Un manuscrit hébreu de la Bibliothèque nationale à Paris. *Journal Asiatique*, 172–185.
- Shalev-Eyni, S., 2016, Entanglement and Disentanglement. Visual Expressions of Late Medieval Ashkenazi Existence. *Transkulturelle Verflechtungsprozesse in der Vormoderne*, eds. W. Drews, C. Scholl, 174–196. Berlin, Boston, De Gruyter, 287.
- Walton, M.T., 2012, *Antonius Margaritha and the Jewish Faith: Jewish Life and Conversion in sixteenth-century Germany*. Detroit, Wayne State University, 242.
- Yuval, I., 2006, *Two Nations in Your Womb: Perceptions of Jews and Christians in Late Antiquity and the Middle Ages*. Berkeley, University of California, 313.